

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Глеба ГОРБОВСКОГО

...Если нужно, я на ощупь
отыщу среди огней
тот щемлящий, вещий,
мудрый свет земли своей.

Не об этом речь... Похоже,
что теперь, с приливом лет,
мне становится дороже
всей безмерной жизни свет.

...СЛЕД, ОСТАВЛЕННЫЙ ТОБОЙ

бы. Иные волхвы ворожат сегодня молодым поэтам, мало что из них сейчас «самоутверждается» в геологической экспедиции, в изыскательской партии, на рыболовном судне, на стройке, в поле — дай им бог, как говорится. У каждого поколения своя правда. Но только кого из них кто-нибудь может читать наизусть часами — вот хоть как я Горбовского?

«Вы, нынешние, — ну-тка?»... Да. Прочитаю-ка я вам еще из последней книги. Называется она «Черты лица». Вот возьмем хоть это, посмотрим, какие вопросы самому себе задает поэт сегодня.

«Словно белый пароход, мускулистый, голосистый, провожаю день лучистый молча в гибельный поход. Не в купели голубой — в дымных сумерках теряю... «Да святится, — повторяю, — след, оставленный тобой!» Ты дождем меня кропишь; дав глазам деревья, книги, вспышки лиц, предметов сдвиги, — явью, новью, былью был. Ну, а сам я? Чем болел? Болью страждущей эпохи? Или в праздной суматохе жил, как дьявол повелел?»

Мне скажут, что такие вопросы во все времена задавали себе люди, а потому здесь и нет ничего особенного. Однако даже и не только ради этого вопроса — напоминания старых истин — приведено здесь стихотворение. Вслушайтесь. Вам не удастся пересказать его прозой, как бы вы ни старались, потому что оно — поэзия...

Что ты? Что ты? Зачем живешь? С чем борешься? Что отстаиваешь? Вечные вопросы прозы, поэзии, искусства — да и всякой осмысленной жизни.

Лесной сторож привлек внимание поэта. «Старая шляпа»... Вглядитесь: вот он «потрогает взглядом растение, благословит косячок журавлей... Был он когда-то большим чудачком. Гнался за славой в блестящей машине. Где-то, болтают, стоял на вершине. Но снизошел до травы... босиком. Жук копошится в его бороде. Шишку свалила на шляпу кедровка. Божия села на книгу коровка. Что это с ним? Очутился он — где? ...Здесь, на земле. На живом островке, где человек успевает подумать: «Кто я — в разливах соснового шума — старая шляпа, пенек на пеньке?» Шляпа, как колокол, раскалена! Солнце течет по стволам золотое... «Кто я!» — и снова, как колокол: «Кто я!» И — ледниковой поры тишина...»

ГОРБОВСКИЙ начал писать прозу. Ее хорошо читают, о ней хорошо пишут. Но хватит ли теперь времени и энергии сполна отслужить еще одному — иному — виду искусства, как знать. Только бы он не пожертвовал прозе стихами, в них прибавляется многозначности, мудрости... Последняя книга, «Черты лица», как-то вдруг особенно ясно дала понять: Глебу Горбовскому есть что сказать. Душа бывалого человека, зрелого мастера — в работе. Так что «присядем, друг, взгляди в мои черты, а я — в твои... За годы, что мы дружим, так накричались сладко наши рты, так намолчались горько наши души».

Невысказанное томит. Будем ждать... Горбовский — истинный поэт, стихотворения его многозначительны, и они постигаются не сразу, а открываются постепенно взрослому, зрелому уму.

Татьяна ИВАНОВА

САМЫЙ «поэтический возраст» сейчас (имею в виду возраст поэтов) — около пятидесяти, пятьдесят и за пятьдесят. Взгляньте бы с удовольствием доказать, да, думаю, никто не собирается спорить.

Поэтов-фронтовиков с каждым днем все меньше, время неумолимо. Идущие вперед — в самой силе.

Вдруг про них, про их молодость, про святые молодые года некоторые критики стали писать с таким даже пренебрежением. «Геологическая ро-йайтика тех лет»... Филологи, мол, в классе делали тогда землепроходцами, ну чем-то непременно и немедленно изучен был им край земли, почему-то кайлом, с топором, с отбойным молотком в руках они хотели самоутвердиться.

Ясноглазые юноши лет двадцать пять назад и правда рвались из долины на целину, в тайгу, на Алтай, в океану, на Север... «До свиданья, до свиданья, осени мои скитанья». В своих книгах они сами рассказывали, зачем ехали, летели, мчались, неслись, шли с рюкзаками. Фронтовикам шли вослед. Их детство пришлось на войну, но судьбой, как у старших братьев, война не стала. Они искали судьбу.

На весну пришлось их юность: страна оправилась от войны, зализала раны, люди окрепли, расправили плечи и буд-ю увидели заново свою землю, и лица оотечественников, и ценность, красоту земного, сущего. «В стакан граненый ставил горстку каких-то крошечных иветов... И вышло так чудесно-просто. Не надо мук, не надо слов. Принес, и все. И стало чище».

Весною, в юности как упоительна жизнь, «какие дни, какие ночи». Земля, кажется, пружинит, «ногами и руками итолкнулся — и в небо улечу!».

«Мы жили влюбленно... И жадно до-или судьбу из ручки, где мечется от-лески закаты». Так написал недавно юэт, чьими стихами я говорю. Его имя — Глеб Горбовский.

Он из тех, чьи странствия, приключе-ния, встречи, чья работа души и ума, ье пережитое становилось стихотворе-ниями. Он из тех немногих, чьи стихи изучивали наизусть студенты, врачи, геоло-ги, физики. Он из тех совсем немно-их, кто год от года становился сильнее душой, умом, мастерством.

Сколько людей, открывших для себя поэзию четверть века назад, и по сей день ждущих Горбовского (хотя ле-ва, кажется, давно уж клонят к суро-ую прозу), и по сей день учат их на-изусть.

Да, вот он из тех, хотя ни в какую «обойму» не входит. Познавших зву-ную славу в начале шестидесятых кри-ики перечисляют без Горбовского. «Ти-их» лириков называют — опять без не-о. И правильно делают. О Горбовском надо говорить отдельно.

У него есть одно очень страшное сти-хотворение под элегическим, обещаю-щим тепло и ласку именем: «Детство мое». В нем всего двенадцать строк, но в каждой воображение легко рисует такую трагедию, которой и имени нет... «Война» меня кормила из помойки: по-рошиться и что-нибудь найдешь». Вот ка-кую унижительную, смертельную муку пережило наше российское дитя, ленин-градский мальчик. Уж его-то в его дет-стве война пошвыряла, поиздевалась над ним, тяжко прошлась по душе и по телу. Через двадцать, через тридцать лет, никогда не забыть тех помоек — хваленый сухарик, запах сыра, кон-сервных банок знойный аромат.

Могут ли такого рода впечатления (ес-ли это вообще можно назвать задумчи-вым «словом «впечатления») не сказаться на характере, не повлиять на всю даль-нейшую судьбу? Думаю, нет, не могут. Война не стала судьбой Горбовского, как стала ею в поэтов фронтового по-коления. Но и послевоенные его скита-ния, его «землепроходство», его «само-утверждение» — все было окрашено в иные тона, чем у сверстников, вызвано не только всеобщими, а и отдельными, собственными причинами.

КАЗАНО: поэт — это судьба. Как и сверстники, Горбовский от судь-бы не хоронился, глаз не отводил. Это черта поколения. Легко нищие судьи не складываются, думающие, чувст-вующие люди легко не живут. Но жизнь была для Горбовского жестче, чем с другими, с Горбовским оставая грубее, глуже...

Давайте вместе почитаем его стихи. Я достаю книги, повспоминаю, а вы подсказываете. С каких начнем? С тех, зем-лепроходческих, давних?

лижет пот с губы... Я щип торжественно мешаю. Я эти рожи — обожаю, где б ни горел костер судьбы». Вот какие бод-рые строчки, веселье... Но там же есть и другие:

«...Весь мир обложили дожди. Куда меня ветер забросит, остались какие пу-ти? До солнца? Но солнце — в груди. До сердца?.. Но эта дорога почти что до самого бога»...

Горбовский никогда не был однозна-чен, прост, последователен. В каждом стихотворении свое настроение, мысль изменчива, оттенки чувств неисчислимы. Восприятие мира то отчетливо ясно, то усложнено. А чувства сильны, очень сильные. Кто говорит, что мы, северяне, холодный народ, тот путает с холодно-стью нашу сдержанность. Истинная рус-ская поэзия всегда потрясает именно глубиной, страстью, полнотой чувства...

«Вас не было, когда, устав любить, я замерзал, озябнув каждой жилкой, и в воздухе маячила снежинка, способная, как пуля, истребить... Вас не было, когда я шел ко дну... Вас не было, когда в солончаках, как мумия, сжимался я от зноя и тень травинки — в путь земной дли-ною, — как трещина, лежала на очках»... Кому это? Мне и вам. Да, давайте гово-рить правду самим себе — нас не было. У всего находят причины, их даже и искать не надо, они есть. И ни я, и ни вы не могли протянуть руку далекому, незнакомому человеку, которому было тяжело. Да он, видно, и не взял бы тог-да нашу руку, не она была нужна ему. Зато теперь, когда вышло «Избранное», когда выходят книги, проза пошла, пуб-лицистические статьи появляются, когда с портретов смотрит, кажется, благо-образное лицо в элегантных очках, и ни-каких трещин на стеклышках — как лег-ко, как славно пишется о Горбовском.

А он из сборника в сборник переносит это злое «Вас не было»...

Не для себя он, други мои, не за се-бя, не о себе. О наших душах забота. В них хочет поэт поселить непокой и тревогу, их призывает: «Возлюблю не только ближнего, но и чуждого тебе... поспешите на помощь каждому, кто нахо-дится в беде...». Строчки напоминают: «Состояние покоя... Совесть мучит». Строчки подсказывают выход: «разда-вать себя — всечасно, повсеместно, без-оглядно, безотказно, безвозмездно!».

С ним хорошо, потому что душа его умеет чувствовать глубоко, страдать сильно — вот и ищешь в стихах состра-дания, хоть с ними, над ними поплачешь. Смотришь — и станешь полегче, опять можно жить...

Это упование — уйду, уеду, все бро-шу... кому оно не знакомо?

«Я однажды расторгну с этим горо-дом брак! Я с публичного торга все от-дам за пятак!» И друзей, и влюблен-ность... «Сяду в поезд зеленый, и не станет меня». Когда все надоело и сил, кажется, больше нет ни на что, когда сам себе говоришь «хватит», как хочет-ся «над строкою-дурюю не пыхтеть всю ночь, а смешаться с бурей и умчаться — прочь». Можно, наконец, купить весной велосипед и уехать... «будет ветер в спи-ну подгонять, будет солнце вмешиваться в историю. Лишь бы сердце чем-нибудь унять. В каменную ночь... не застрелить-ся»...

...Но странички прошелестя и... «И вдруг очнуться! Мигом, разом! И, глядя в вы-моющую рожь, прочь отодвинуть чван-ный разум и встать, как дерево, под дождь... Живу! Спасибо... Силы всталась. Всего и надо: не стелать»...

Как он любит! И как бывает несчастен, одинок, нелюбим, брошен. И как счаст-лив бывает — так умеют быть счастли-вы только знающие истинные страдания люди... Как умеет он мучить себя вопро-сами, на которые нет ответов, как ищет ответы, как стремится к истине, как вдруг нахнет рукою и скажет: «...Не на-до, не надо проклятых вопросов, коли эта земля под ногами — жива!»

Он бывает остроумен и весел: «Вся — сторож. В шалаше пребывает negli-же. Он дежурит. То есть курит, то есть — выпивши уже». А бывает изыскан и возвышен: «Молчанием ночным земля поглощена. Позлащены слова моей бе-седы с небом молчанием ночным... И достигают дна сознания слова, ложась бесшумным снегом».

Человек живет. Живет ошибаясь и ушибаясь, смеясь и плача, страдая, тос-куя и радуясь. Мыслит. Творит. Сомне-вается, ссорится, рушит — мирится, воз-водит, утверждает.

Тем и интересен. Потому и близок. Потому с ним вместе и хорошо «взмат-риваться в ночь и вдумываться в утро».

Странствия, приключения, беды, встре-чи — все имеет теперь неоценимую стоимость жизненного опыта, цену суды-